

ПРЕМЬЕРА

Кафка становится былью

Театр кукол открыл сезон спектаклей для взрослых «Превращением» по Францу Кафке

Юлия Баталина

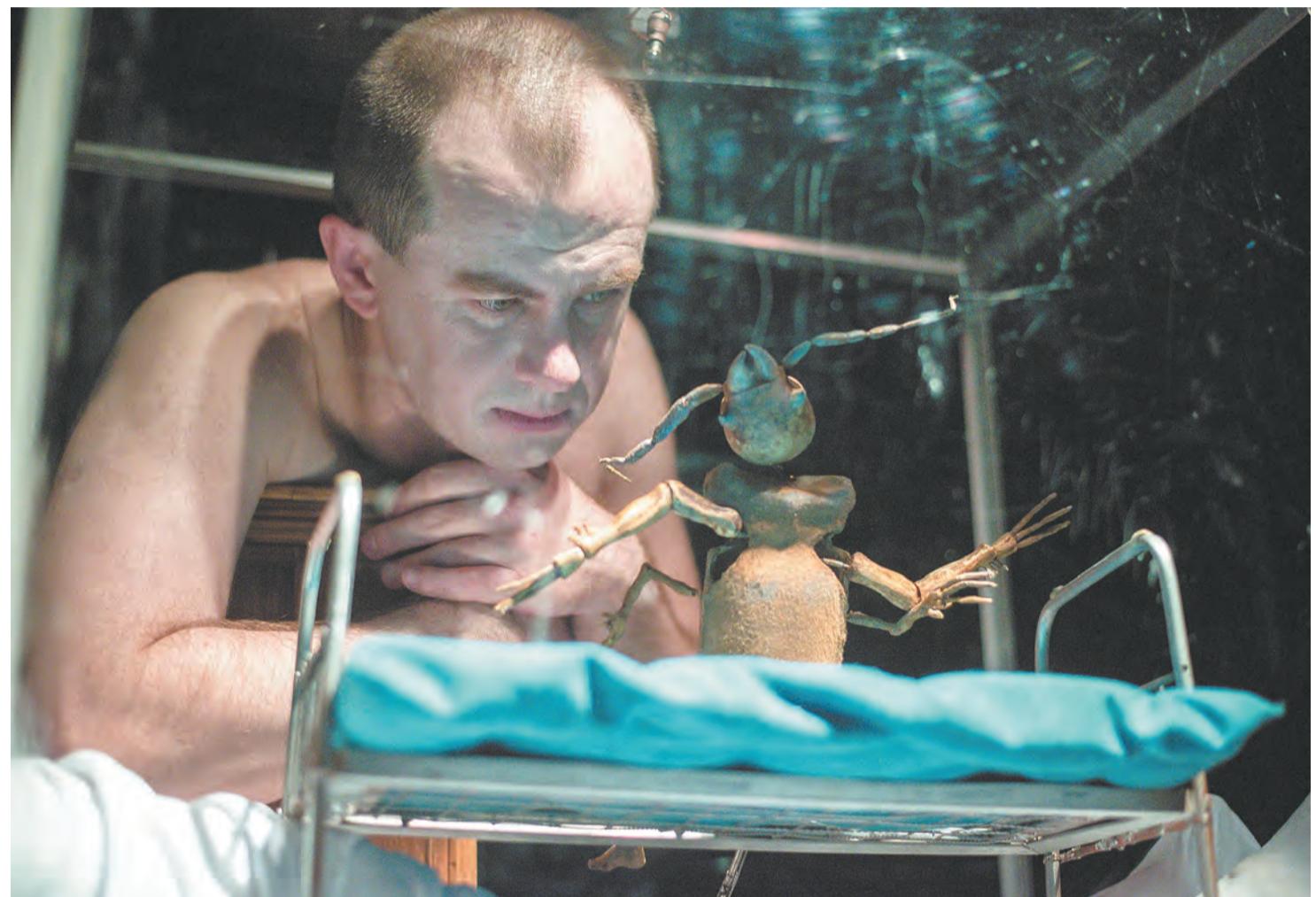
В те дни, когда открывался «кукольный» театральный сезон, в Перми шумел We-Fest — фестиваль формально о женщинах, а по сути — о новых людях, новом социуме, новых отношениях. Среди прозвучавших на фестивале «Манифестов» — предельно личных откликов на актуальную повестку — была исповедь анонимного трансгендерного человека, назвавшего себя Адамом. Адам рассказал о том, как он превращался из девочки в мужчину и как это приняла его семья: сестра отказалась ему от дома, чтобы он не влиял дурно на её ребёнка, мама не желала называть его в мужском роде и т. д.

Это высказывание удивительно совпало с показанным в эти же дни взрослым спектаклем Театра кукол «Превращение»: там говорится ровно о том же; правда, трагическая история личной метаморфозы Грегора Замзы не остаётся в спектакле просто человеческой историей, а по замыслу режиссёра Александра Борока проецируется на роковое превращение, которое претерпела в начале XX века вся Европа.

Даже жанр спектакля тоже метаморфизируется. Он начинается, как рождественская история, как семейная идиллия, но это — обман: стоит погаснуть ёлке, и начинается... хочется написать «реальность», но нет, начинается Кафка. Тело героя, Грегора Замзы, претерпевает изменения. Он их боится, стесняется, он рассчитывает на сочувствие и поддержку родственников, старается докричаться до людей. Очень сложная кукла, которой управляют сразу два человека, передаёт все корчи и мучения изменяющегося тела, к которому герой не может поначалу приоровиться.

Сравнение фантасмагории с реальной человеческой историей не стоит расценивать как неуважение к трансгендерному мужчине. Александр Борок рассматривает метаморфозу Грегора Замзы как метафору любого изменения в человеке, которое требует особой чуткости от родственников. Реакция родни — вот что здесь важно, а не само превращение.

Родственники, понятно, в замешательстве. Если мама ещё пытается вну-

Грегор Замза и его душа (Владимир Пенягин)

шить себе и родным, что «это же наш сын», то отец сразу хватается за стул, чтобы пристукнуть тварь, в которую превратился Грегор. Да и прочие родственники не радуют бедолагу пониманием: запирают в комнате, пугают. Сама собой напрашивается мысль, что, поведи себя семья иначе, может, герой и не стал бы гигантским насекомым.

Надо сказать, что куклы, очень сложно сконструированные художником-постановщиком Виктором Никоненко, все весьма несимпатичны. Родня Грегора — сутульые карлики с непропорционально большими головами, которые растут откуда-то из середины груди, и длинными «лошадиными» лицами, на которых застыло туповато-изумлённое выражение. Очевидно, что постановщики вовсе не стремились порадовать зрителей приятной картинкой.

Разительным, волюнтистичным контрастом этой компании выглядит актёр Владимир Пенягин — живой и очень тёплый. Он играет душу Грегора Замзы, то самое человеческое начало, которое заперто в гигантском насекомом и которое всё пытается достучаться до людей. Актёр естествен и органичен в контексте спектакля, что тем более удивительно, поскольку он находится на сцене непрерывно на протяжении всего действия. Это очень трогательная роль, которая многое в «Превращении» оправдывает.

Дело в том, что спектакль в целом человечным назвать трудно. Он медлителен и малословен: после рождественского рассказа героя за все полтора часа произносят от силы десяток фраз; двигаются куклы медленно и неестественно. Словом, зрелище не из самых лёгких, и лишь живой, очень живой актёр вызывает эмоциональный отклик в зрителях.

Всё это — под музыку, специально написанную композитором Андреем Заной. Обычно, когда говорят, что музыка является полноправным действующим лицом спектакля, это просто фигура речи, но здесь это чистая правда. Музыка — настоящая, серьёзная, оригинальная и очень подходящая к действию: она то игриво-праздничная, если речь идёт о Рождестве, то тягуче-назойливая, когда надо подчеркнуть трагический абсурд происходящего. Режиссёр настоял, чтобы она звучала очень громко; это, возможно, было бы неплохо, если бы фонограмма была получше... Так или иначе, эффект получился что надо: зрителю выходит угнетённый и подавленный.

На протяжении всего действия на сцене то и дело появляется безымянный персонаж, названный в программке «прохожим», — некто в пальто и шляпе, как выясняется со временем, художник. В финале спектакля он читает газету Berliner Tageblatt 1912 года с новостью о крушении «Титаника» на

первой полосе, а затем появляется в доме семьи Замзы, катает родственников уже погибшего Грегора на автомобиле и вдруг тоже претерпевает превращение — становится зловещим брюнетом с усами-щёточкой. Гитлером то есть.

Александр Борок увязал мрачную фантазию Франца Кафки, написанную в 1912 году, с гибеллю «Титаника», случившейся тогда же. По мнению постановщика, именно в те годы в Европе зрело нечто, приведшее к Первой мировой войне, пройдя которую малоодарённый художник Адольф Шикльгрубер превратился в людоеда, который, в свою очередь, других людей стал превращать в людоедов.

Для зрителей, которые плохо считывают намёки и метафоры, художественный руководитель театра Дмитрий Вихрецкий лично выходит перед каждым спектаклем, чтобы эту связь событий разъяснить.

Вихрецкий вообще, как оказалось, из тех худруков, которые понимают, что отвечают не только за премьеры, но и за каждый спектакль. В его лице Театр кукол нашёл очень ответственно лидера, активно вовлечённого в театральную жизнь Перми. И, как показывает то же «Превращение», он не боится экспериментов и готов поддержать рискованные проекты. Стало быть, можно ждать новых сюрпризов от Театра кукол.

ФОТО АННА ГИЛЕВА